

ОБРАЗ ИВАНА IV В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

ДЮЛА СВАК

В 50—60-е годы в разработке образа Ивана IV больших событий не произошло. Два направления часто сталкиваются между собой. Книга Соловьёва сразу подверглась критике со стороны представителей карамзинского направления за сухость и отсутствие психологизма.¹ Но мы напрасно будем ждать новых доказательств, новых доводов. Михайловский был прав, когда писал, что последователи Соловьёва лишь подражают своему учителю.² К этому можно только добавить, что в противоположном лагере дела обстояли не лучше, больше того, как мы увидим, не был исключением и сам Михайловский. В то же время можно согласиться с С. Платоновым, который, возвращаясь к этой теме в одной из своих историографических статей, писал, что к концу 80-х гг. на передний план вышло соловьёвское направление.³

Эта тенденция соответствовала основному направлению развития русской буржуазной науки, поскольку карамзинская трактовка представляла несамостоятельность дворянского понимания истории по отношению к источникам, признание ведущей роли государей в историческом процессе. В то время как школа Карамзина, в сущности, рассматривала «Историю России» как историю личностей, Соловьёв и его последователи понимали её как политическую историю. Это обстоятельство, безусловно, дало временное преимущество последним до тех пор, пока противоположное направление не смогло при помощи конкретных исследований в области экономической и социальной истории возратить достоверность повествовательных источников, свидетельствующих, между прочим, в его пользу. Пока же признававшие прогрессивность Ивана IV, казалось, по праву ставили под вопрос достоверность упомянутых источников, ссылаясь на основное прогрессивное направление эпохи, господствовавшие тогда нравственные нормы, а также на исторические закономерности. Поэтому спор по-прежнему сосредотачивался вокруг Ивана, Курбского и мемуаров иностранцев, с тем разве дополнением, что в него вошла проблема: действительно выступали ли бояре против царя или нет. Таким образом, спор с научной точки зрения стал крайне академическим, приобретая, впрочем, в определённых ситуациях политическое значение.

Так, во время революционной ситуации 1859–1861 гг., а также в последующие несколько лет значительно возрос интерес общественного мнения к фигуре Ивана IV. Это можно видеть большей частью по возникшим в то время художественным произведениям, в которых обращение к историческому прошлому использовалось для выражения взглядов по политическим проблемам современности.

В 1860-е годы мы находим высказывания об Иване Грозном, сделанные и революционными демократами. Некоторые из них, конечно, уже и ранее высказывали своё мнение по этому вопросу. Однако в данной ситуации эти высказывания зазвучали с особой силой, поскольку «внимание... к имени Ивана Грозного обуславливалось их стремлением на примере жестокого и кровавого правления этого царя разоблачить деспотический характер самодержавной власти...»⁴

Герцен, Чернышевский и Огарёв не занимались специально Иваном IV и, если и касались его личности, то всегда видели в нём типичное и осуждали, поскольку в основе их оценки обычно лежало отрицательное отношение к царской власти вообще.⁵ Такая точка зрения, представители которой считали себя духовными наследниками угнетённых во все времена классов и противниками всех угнетателей, внесла качественные изменения в понимание истории и благоприятно повлияла на развивавшуюся позже марксистскую трактовку истории. Можно сказать, что в то время обозначились контуры партийности.

Похожим был отправной пункт и у тех революционных демократов, которые занимались Иваном Грозным более подробно, причём как раз в период революционного подъёма, что представляло для нас больший интерес. Один из них, Г. Елисеев, в 1860 г. именно на страницах редактируемого Чернышевским «Современника» писал: «Грозный представляет нам в своём лице едва ли не единственный образец этого нравственного безобразия своего века, этого сочетания ханжества с попранием всякой религии, с самыми отвратительными оргиями разврата и убийств.»⁶ Борьба с боярами, по мнению Елисеева, «... ничем не вызывалась не только при нём, но даже при отце его и деде», царь вёл её «... так бессмысленно, так вероломно и несправедливо, так зверски и жестоко, что разогнал от себя всех умных и честнейших людей и окружил свой трон рабами, палачами и шпионами». Таким образом, Иван IV «... воплотил в себе все принципы своих предшественников и провёл их в своей деятельности с ничем не возмущающей последовательностью до самых невозможных пределов».⁷

От высказанной выше точки зрения несколько отличается мнение Н. Шелгунова. Шелгунов, как указывает Цамутали, стремится объяснить жестокость царя некоторой психической неустойчивостью⁸, а также весьма критически отзываясь о тогдашнем боярстве⁹. Но, несмотря на это, оценка Шелгуновым Ивана IV совершенно однозначна: «Историческое значение Ивана IV, однако, не в том, что он убивал и казнил людей без жалости, что он опустошил Новгород и ближние области с такою виртуозностью, как будто на них напали совокупные силы берен-

деев, торков, печенегов, половцев и монголов; значение его царствования в том, что оно было ближайшей причиной Смутного времени.»¹⁰

Историческая наука в 60-х годах новых положений не выдвинула. Официальная историография, как мы видели на примере Погодина, двигалась старым путём, передавая свои представления и общественному мнению. Например, в издании «Краткая история России» 1866 года практически полностью приводится карамзинское толкование личности Ивана IV.¹¹ Относительно этого периода необходимо сказать, что в науке и публицистике фигура Ивана Грозного перестала быть в центре внимания, в то время как в литературе наблюдался обратный процесс. Однако Н. Хлебников выдвинул мысль, важную и с научной точки зрения, показав борьбу между Иваном IV и аристократией в зависимости от исхода борьбы за закрепощение крестьянства.¹²

Именно интерес к фигуре Ивана IV в литературе привёл к первому большому столкновению по поводу оценки личности царя в русской историографии. В 1871 году развернулась дискуссия, открывшаяся статьёй Н. Бестужева-Рюмина, в которой автор с позиций науки практически поучал литераторов, как надо изображать Ивана Грозного. В своей статье Н. Бестужев-Рюмин поднял ряд важных вопросов (напр., об ответственности художника в формировании исторического сознания, о невозможности переноса современных норм в прошлое, о том, что в XVI в. во всей Европе было не лучше и т. д.¹³), а под конец подверг сомнению правильность взгляда, что критерием оценки должен быть результат. Проводя параллель между Иваном Грозным и Петром I, он сконцентрировал своё внимание не на различии между ними, а на чертах, казавшихся сходными, считая при этом, что главное — намерение, а не исторический результат.¹⁴ Эта идея не оригинальна, но в столь категорической форме она впервые появилась из под пера Бестужева-Рюмина. Последующие идеализаторы Ивана IV с удовольствием позаимствовали эту мысль.

В итоге мы можем сказать, что статья Бестужева-Рюмина — шаг назад по сравнению с Соловьёвым. Статья снова засвидетельствовала, что природа любой дискуссии приводит к тому, что противостоявшие стороны, как правило, впадают в крайности. В данном случае это выразилось в том, что автор во всём осуждал бояр и оправдывал, даже превозносил царя.¹⁵ В своей статье Бестужев-Рюмин, собственно говоря, повторил, правда в форме конкретного анализа, сказанное 15 лет назад Кавелиным: всё позволено, если речь идёт о «реабилитации» Ивана IV. Эта позиция отличается от позиции позднейших идеализаторов лишь в том, что Бестужев-Рюмин, хотя он первоначально и играл роль «объективного» судьи, всё же открыто признал свою пристрастность в оценке Ивана IV.

В октябре того же года в журнале «Вестник Европы» на статью Бестужева-Рюмина откликнулся пространное исследование «Личность царя Ивана Васильевича Грозного» Н. Костомаров. Автор, который ранее стоял близко к пониманию Ивана IV К. Аксаковым,¹⁶ по сути дела, возвратился к мнению Карамзина. Тождество большей частью стало

результатом морализующего характера статьи, тогда как различия проистекают из-за несходства жанров, так как Костомаров изложил свои взгляды по существу в дискуссионной статье, в которой изложение группируется вокруг доводов оппонентов, а мобилизованные для их опровержения контраргументы иногда позволяют автору прийти к самостоятельным выводам.

Конечно, основное различие кроется в политической направленности статей: Костомаров, обвиняя Ивана IV, собственно говоря, открыто нападал на самодержавие, и это нашло в статье открытое выражение в том месте, где автор пишет, что вскоре придёт время, когда насилие не будет превозноситься, даже если оно направлено на усиление государства.¹⁷ Своими открытыми политическими высказываниями Костомаров внёс в историографию об Иване Грозном новый аспект, поскольку ранее историческая наука старалась держаться подальше от исторических аллегорий. В связи с этим, очевидно, закономерно и то, что Костомаров и в смысле жанра вернулся к карамзинскому «картинному» литературному стилю, выбрав для выражения своих взглядов область на границе литературы и истории.

В качестве позитивного момента надо отметить, что Костомаров (хотя в его изображении Ивана Грозного это кажется ещё недостаточно укоренившимся) при оценке исторической личности придаёт большое значение тому, насколько она выражала интересы народа.¹⁸

Что же касается «внутреннего противника», то такового, по мнению автора, собственно, не было, и царскую власть уже не надо было укреплять, поскольку «к XVI в. она и так слишком укрепилась». Поэтому власть царя была сильна и без опричнины, и «царь, можно сказать, только сделал попытку установить, настолько ли он силен, и эта попытка удалась».¹⁹ Таким образом, Костомаров оспаривает у Ивана IV всё позитивное, утверждает, что царь постоянно находился под чьим-то влиянием; а о том, что у него никогда не было политической программы, ясно говорит завещание Ивана, которым он хотел восстановить раздробленность власти.²⁰ Затем, обобщая сказанное, автор пишет: «... наш взгляд ... в своём основании не заключает ничего нового: ... сумасбродный тиран, которого новейшие историки, постепенно поднимая, дотянули уже до того, что указывают в нём идеал не только для Руси, но и для целого славянского племени.»²¹

Костомаров был прав: он, действительно, сказал мало нового по сравнению с Карамзиным как в методике, так и в подходе к проблеме. Основной причиной этого является то, что он опирался (так же некритически) на те же повествовательные источники, выяснение широких социальных связей велось им импровизированно, без проведения самостоятельных исследований.

В написанной в 1873–76 гг. книге «Русская история в биографиях ...» Костомаров идёт ещё дальше. Здесь уже сам жанр чисто литературен: автор открыто возвращается к карамзинским традициям и рисует Ивана IV в ещё более тёмных тонах, чем сам Карамзин.

Этот психологизирующий подход в данный период развития русской исторической науки, вследствие неразработанности социально-экономической подоплёки событий, оказался позади соловьёвской школы, которая разработкой политических проблем, несомненно, способствовала «рациональному» пониманию истории.

Дискуссия, подобная «столкновению» Бестужева-Рюмина и Костомарова, произошла в русской историографии лишь через два десятилетия. Но борьба двух направлений, хотя и не в такой заметной форме, продолжалась. Собственно говоря, появившиеся в то время труды безынтересны в научном отношении, поскольку они ограничивались повторением старой аргументации, в них отсутствовала не только исследовательская работа, но зачастую и самостоятельная интерпретация.

Тем не менее, необходимо выделить позицию народников, игравших в этот период большую позитивную роль в политической и идеологической борьбе. В оценке личности Ивана IV народники продолжали линию революционных демократов. Характерным примером этого являются взгляды П. Лаврова, который видел в Иване Грозном типичное, сравнивая его «государственность грабителя» с господством тамерланов, чингис-ханов и неронов и называя её «московской татарщиной».²² Однако он подчеркнул, что «народ русский ... протестовал, как мог и как умел, но протестовал постоянно, и его протесты были нелегальны...»²³

Эта работа родилась в эмиграции. Конечно, не оценка Ивана Грозного заставила ее автора отправиться за границу. Однако необходимо отметить, что в 1860—80 гг. относительно мало исторических и публицистических работ занимается личностью Ивана IV, да и эти работы по времени отстоят довольно далеко друг от друга. Основная причина этого, очевидно, в том, что историки не могут дать ничего нового, уступая поэтому поле деятельности фантазии художников. Именно в это время Ивану IV было посвящено довольно много изобразительных и литературных произведений, которые в большинстве своём сосредотачиваются (с явно выраженным мелодраматическим оттенком) на проникновении в тайны души Грозного.²⁴

Правда, это была довольно неудобная пора для открытых высказываний. Тема была слишком подвержена изменениям политического климата, на что указывает письмо всемогущего К. Победоносцева царю Александру III в связи с одним литературным произведением.

Письмо было написано 11 января 1889 г., после показа оперы, поставленной по произведению Лермонтова «Купец Калашников». Возмущённый этой оперой, Победоносцев изложил царю свои чувства в связи с представлением: «Царь — чудовище; все около него — развратные, пьяные разбойники; народ — несчастные холопы; и церковь и вера — одно кошунство над верой! Как будто нарочно искусство хотело втоптать в грязь все идеалы русской земли — царя, церковь, народ ... Царь — чудовище, зверь и ничего более ... Но история представляет нам страшную драму в жизни Грозного, с великой борьбой, которую один суд божий решит по правде.»²⁵ Затем Победоносцев упоминает о запрещённой драме А. Толстого, замечая, что она всё-таки лучше «Купца Калашникова».

Наконец, он завершает своё письмо «воспроизведением» разговора, якобы состоявшегося между двумя зрителями спектакля: «Боже мой! Зачем это нам показывают такую картину, и зачем, зачем выбрали для этого такую пору, когда, можно сказать, вся русская земля помолодела и вся устремила очи на царя своего, распознавая в нём черты того идеала, который народ горячо, страстно желает распознать в царе своём? В первый раз, когда давали «Калашникова», в 1880 году, была совсем другая пора, — пора безумия, раздражения, великой смуты. А теперь ...»²⁶

Таким образом, в 1889 г. было неподходящее время для разоблачения царя перед широкой общественностью. Несмотря на это, в официальной историографии и далее продолжало господствовать Карамзино — Погодино — Устряловская линия отрицательного изображения Ивана IV, которую не поколебал и сам Победоносцев, более того, говоря об отсутствии изображения душевной драмы борьбы между «добром» и «злом» в царе, он, в сущности, следует за Карамзиным. В изучаемое время этот взгляд перенимает и Д. Иловайский. Полностью разделяя тяготение своих предшественников к психологизации, он немного освежил запас аргументов, поставив власть царя в тесную зависимость от последствий «татарщины» и заявив, что в правление Ивана IV «... московское самодержавие ... получило до известной степени характер азиатской деспотии.»²⁷ В конце концов, говорит Иловайский, правление Ивана было хорошо для того, чтобы Бог испытал: сколько может вытерпеть, перестрадать русский народ. Тем самым автор выводит царя, как нетипичное явление, из длинного ряда русских самодержцев и вместе с тем открыто заявляет о своей лояльности к самому самодержавию.²⁸

Школа Кавелина — Соловьёва в 80-е гг. была представлена в лице уже известного нам Бестужева-Рюмина. Точнее, в 1885 г. этот автор принимал — да и то не целиком — лишь конечный результат, сформулированный «государственным» направлением относительно образа царя Ивана. В остальном он полностью встал на точку зрения славянофилов. Бестужев-Рюмин написал, что, по его мнению, до сих пор правильное — всего изобразил Ивана IV Самарин. Направление его замысла хорошо освещают строки, написанные им об иностранных повествовательных источниках: «Они преувеличили жестокость не только царя, но и всего народа. Им необходимо было доказать, что таких варваров нельзя пускать в Европу.»²⁹

Настоящим продолжателем линии Соловьёва в середине 80-х годов являлся Е. Белов. Его работа об истории русского боярства³⁰ открыла новый этап в историографии правления Ивана, когда завершается публикация объёмистых «Историй России», уступая место фундаментальным исследованиям и основывающимся на них новым обобщающим работам, охватывающим более узкий круг проблем. Это означало новый шаг вперёд в исследовании интересующего нас вопроса, к сожалению, сам Белов лишь в минимальной степени смог использовать новые возможности. Его стремление дать ответ на проблему взаимоотношений между Иваном IV и боярами при помощи изображения облика русского боярства было правильным. Однако, следуя по этому пути, он пустился

в гротескные крайности, например, Белов написал, что в 1571 г. бояре пригласили татар вступить в Москву. К. Кавелин остроумно ответил на это: «Интересно, что и сам главный воевода Бельский задохнулся во время этого от дыма, тоже, вероятно, намеренно.»³¹

В одной из своих более поздних работ Белов дошёл до того, что поставил под вопрос практически все источники, рассказывающие об Иване, поскольку «ни от бояр, ни от монахов-летописцев мы не можем ждать правдивой информации о времени Грозного».³² Таким образом, Белов, требовавший — и справедливо — строгой критики источников, пришёл к отрицанию источников, приписыванию им предвзятого суждения, к идеализации Ивана IV.

Концепция Белова подверглась концентрированной критике со стороны публициста Н. Михайловского. Его объёмистая статья, по сути дела, — историографический обзор, распространившийся и на литературные произведения. Эта работа выделяется прежде всего содержащимися в ней глубокими, часто очень остроумными критическими замечаниями. Но поскольку Михайловский рассматривает проблему Ивана IV только как актуальный политический вопрос, его суждения часто пристрастны. Несмотря на это, позднейшему исследователю проблемы трудно не согласиться с народническим критиком, когда тот, например, реагирует на следующие — хвалебные — слова Кавелина: «От ужасов того времени нам осталось дело Иоанна.» Ибо Михайловский по праву задаёт вопрос: «... если окружавшая Кавелина в 1846 г. действительность вела своё начало от Ивана Грозного, то чем же он был в этой действительности, в этом «деле Иоанна» так доволен?»³³ По сей день непревзойдённым является мнение Михайловского об историографии проблемы, поэтому, возможно, полезно привести его: «Наша литература об Иване Грозном предлагает иногда удивительные курьёзы. Авторитетные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают смелые и решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а, как мы видели, даже вопреки им; умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытые противоречия с самыми элементарными показаниями здравого смысла, люди, привыкшие обращаться с историческими документами, видят в источниках то, что там днём с огнём найти нельзя, и отрицают то, что явственно написано чёрными буквами по белому полю...»³⁴

Последнюю часть своей статьи Михайловский посвятил изложению своего собственного мнения. Однако статья не содержит никаких новых позитивных результатов, в конечном итоге автор перечислил хорошо известные аргументы карамзинского направления.

В 1890-х гг. открывается новый этап в изучении интересующего нас вопроса. Этот этап длится, собственно говоря, до 1917 г., больше того, в некотором отношении — до Великой Отечественной войны. Этот этап характеризуется тем, что историография вопроса вышла из многолетнего «застойного» положения, оба основных направления обновились, поднялись на более высокий научный уровень и указали несколько воз-

возможностей решения проблемы. А основой этого было то, что в указанный период приобрели широкий размах исследования отдельных проблем русского средневековья. Позитивистские исследования были обобщены затем в больших монографиях, и эти фундаментальные работы благоприятствовали результативному возвращению к проблеме Ивана Грозного.

Прежде чем обратиться к попыткам научного решения вопроса, необходимо коротко остановиться на таком новом направлении, которое выделялось лишь своей новизной, внося, однако, само по себе небольшой вклад в выяснение проблемы. Речь идёт о психиатрах, которые в это время обратили внимание на фигуру Ивана IV и обычно изображали его параноиком.³⁵

В нашу задачу не входит рассмотрение такой интерпретации с медицинской точки зрения, необходимо лишь подчеркнуть, что в то время, когда появились эти работы, русская психиатрия находилась ещё в зачаточном состоянии. Кроме этого, попытка вслепую и с расстояния в 300 лет поставить диагноз болезни представляется иллюзорным предприятием. Что же касается больше интересующего нас исторического аспекта, нужно сказать, что исследования психиатров не продвинули вперёд разработку проблемы. Даже не учитывая, что они использовали второстепенную литературу и отнеслись к источникам без всяких признаков критики, наше основное возражение сводится к тому, что историческую проблему можно решить лишь методами исторической науки, и в этом вспомогательные науки могут оказать большую помощь, не претендуя, однако, на исключительность. На данной ступени развития русской исторической науки, когда ещё не удалось во всех отношениях преодолеть ограниченность дворянской историографии, справедливый, впрочем, интерес психиатров к Ивану IV грозил вернуть исследование вопроса к позициям Карамзина.

Иначе обстояло дело с В. О. Ключевским, который пришёл к схожим выводам, используя все прогрессивные элементы современной ему исторической науки. А ведь Ключевский, если взять формирование его взглядов на личность царя Ивана, собственно говоря, принадлежал ещё к предыдущему временному периоду. Первые лекции его знаменитого «Курса» появились уже в середине 1870-х гг., а в середине 1880-х гг. они вышли в ротационной форме.³⁶ И хотя в форме книг они стали выходить лишь с 1904 г., интересующие нас места в тексте почти не изменились. Ключевского приближает к 1860–80 гг. и то, что в своих выводах он почти не опирался на исследования других учёных. И всё-таки своим пониманием личности Грозного Ключевский внёс качественно новое в историографию вопроса: карамзинская позиция получила у него научную достоверность, поскольку в своих работах он подкрепил свидетельства давно известных повествовательных источников результатами исследований, проведённых им в области социальной и экономической истории.

С точки зрения понимания истории Ключевский во многих отношениях шёл по следам «государственной» школы, влияние которой

чувствуется и в его оценках Ивана IV. Он также встраивает Ивана в длительный процесс, результатом которого будет распад «Удельной Руси» и образование «Московской Руси». Благодаря этому, он считает возможным поместить в этой мысленной схеме и, например, опричнину, больше того, последняя даже получает у него определённое значение.³⁷ Ибо Ключевский исходит из нового положения, сложившегося после объединения русских земель, в котором изменяются отношения между боярством и самодержцем. Их стремления объективно перекрещиваются, так как бояре с трудом отказываются от своих старых «свобод», в то время как царь даже традиционное право совета бояр считает ущемлением своей власти. В то же время русское государство XVI века «было абсолютной монархией, но с аристократическим управлением». Результатом всего этого стало то, что «обе стороны не могли ни ужиться одна с другой, ни обойтись друг без друга. Не умея ни поладить, ни расстаться, они попытались разделиться, жить рядом, но не вместе.» Средством же для этого, по мнению автора, была опричнина³⁸.

Однако скрытое внутреннее противоречие в управлении государством могло разрешиться в пользу царя только в том случае, если бы он обратился против всего правящего класса. Опричнина же «была направлена против отдельных лиц... Она могла быть вынуждена царю только неверным пониманием положения боярства, как и своего собственного положения. Она была в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя,»³⁹ — говорит Ключевский и переходит к доказательству последнего положения.

В связи с этим он упоминает о положении боярства XVI века и утверждает, что политическая сила боярства была растеряна ещё перед опричниной и что местничество и так воспрепятствовало единому выступлению бояр. Но даже если (именно вследствие опричины) инстинкт самосохранения и объединил бы бояр, то и тогда царю не надо было делать того, что он сделал, поскольку основная масса жертв опричины не имела никаких отношения к кругу бояр.⁴⁰

«Столкнувшись с боярами, потеряв к ним всякое доверие после болезни 1553 г. и особенно после побега князя Курбского, царь преувеличил опасность, испугался... Тогда вопрос о государственном порядке превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов. Значит, в направлении, которое дал царь политическому столкновению, много виноват его личный характер, который потому и получает некоторое значение в нашей государственной истории.»⁴¹ Этими словами Ключевский завершает всё сказанное об опричнине, переходя в следующей лекции к личности царя.

В соответствии с источниками он отмечает влияние событий детства на формирование характера Ивана и касается того, каким образом это повлияло на его политику. Однако и здесь Ключевский подчёркивает, что суть дела крылась в историческом противоречии между стремлениями царского самовластья и боярства.⁴² Окончательная оценка учёного звучит так: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась

бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нём и после него: важнейшие политические вопросы были бы разрешены без тех потрясений, которые были им подготовлены. Важнее отрицательное значение этого царствования... Царь Иван... не был государственный делец. Одно-стороннее, себялюбивое и мнительное направление его политической мысли при его нервной возбуждённости лишило его практического такта, политического глазомера, чутья действительности, и, успешно предприняв завершение государственного порядка, заложенного его предками, он незаметно для себя самого кончил тем, что поколебал самые основания этого порядка. Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана — одно из прекраснейших по началу — по конечным его результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени... Его можно сравнить с тем ветхозаветным слепым богатырём, который, чтобы погубить своих врагов, на самого себя повалил здание, на крыше коего эти враги сидели.»¹³

В позиции Ключевского мы могли бы заподозрить политический момент, так как историк был известен тем, что бичевал правителей прошлого с университетской кафедры. В действительности же все выводы относительно Ивана IV являлись органической частью понимания Ключевским истории. Это понимание не было марксистским. Оно недостаточно обосновано экономически, в нём отсутствует теория формаций, не обращается достаточного внимания на классовую борьбу. И всё-таки можно сказать, что в оценке Ивана IV Ключевский подготовил почву для марксистских работ. В первую очередь благодаря диалектическому пониманию соотношения исторических закономерностей и роли исторической личности. В этой области даже марксистская историческая наука сумела достичь его лишь в наши дни. Поэтому, когда мы говорим о том, что даже Ключевский был не особенно оригинален в описаниях исторических личностей, не сумел разгадать «тайну» Ивана IV, то мы тем самым не оцениваем всю конструкцию историка, суть которой состоит в том, что он исследует личность царя в процессе развития России и в своей оценке, в фокусе которой находится исторический результат, даёт нюансированное описание возможностей движения в рамках объективной исторической ситуации.

После Ключевского — и уже с Ключевским —, к 1890-м гг. русская буржуазная историческая наука подошла к новому этапу своего развития. К этому времени частично созрели плоды больших научных усилий, увенчанных множеством монографий. Эти крупные работы, посвящённые социальной и экономической истории,¹⁴ раздвинули рамки интересов прежней историографии, ограничивавшихся политической историей, и, поставив под сомнение многие постулаты старых «Историй России», подготовили почву для будущих обобщающих трудов. Таким образом, в этот период перевернулись отношения между исторической концепцией и источниками: дедуктивный метод сменился индуктивным.

На личность и правление Ивана IV в это время обращается мало внимания. Поэтому проблема царя Ивана затрагивается в основном

лишь в связи с другими проблемами. Однако этот факт не исключает рождение значительных концепций, больше того, в результате привлечения новых исторических аргументов их научная достоверность ещё больше возросла. Самым значительным произведением этого времени по интересующей нас теме была работа С. Ф. Платонова «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.»

В этом произведении Платонов, исследуя события Смутного времени, возвращается в прошлое, к временам опричнины, делая тем самым попытку на основе обширных самостоятельных исследований создать свою оценку опричнины. Отправные точки в книгах Платонова и Ключевского во многом схожи, что и понятно, поскольку оба историка многое почерпнули из аргументации «государственной» школы. Их мнения впервые расходятся в связи с оценкой правления Адашева, что приводит затем к получению принципиально различных результатов. Платонов рассматривает выступление Адашева как попытку антисамодержавного наступления боярства, закономерной реакцией на которое было введение царём опричнины.⁴⁵

Таким образом, в опричнине, по мнению Платонова, заключался серьёзный политический смысл. И не только в мотивах её введения, но и в конечном результате (что автор доказывает с помощью обширного научного аппарата). Опричнина, говорит Платонов, разрушила старое княжеское землевладение, благодаря чему положение старой аристократии не только пошатнулось в хозяйственном отношении, но и стало беспочвенным политически, так как эта аристократия лишилась поддержки подданных, живших в её владениях.⁴⁶ А кроме того, опричнина имела большое хозяйственное значение, поскольку царь распространил свою личную власть на важнейшие с хозяйственной точки зрения территории.⁴⁷ Поэтому «сцены зверства и разврата... появлялись как грязная пена, которая кипела на поверхности повседневной работы, происходившей в глубине опричинной жизни».⁴⁸ Так что, в конце концов, заявляет Платонов, опричнина уничтожила одно из противоречий Московского государства: она сделала князей служилыми землевладельцами.⁴⁹

Однако, продолжает Платонов, другое основное противоречие тогдашнего русского общества опричнина не только не смогла уничтожить, но наоборот обострила его. Речь идёт о классовых противоречиях между дворянами и крестьянами, которые в определённой степени были связаны с проблемами функционирования русского войска. Это, и без того существовавшее классовое противоречие ещё более обострили опричнина и Ливонская война, следствием чего стало массовое бегство на «ничейные земли», в казаки, а также обезлюдивание центральных районов страны, чему только способствовало то, что насильственные переселения и выселения в годы опричнины дестабилизировали земельные отношения. В результате этого к концу правления Ивана IV в северных и южных областях государства не было ни одной такой общественной группы, которая была бы удовлетворена ходом дел. Тем самым наперёд проглядывались большие общественные потрясения Смутного времени.⁵⁰

Платонов мало занимается личностью царя, однако упоминает, что казни и жестокости Ивана IV на самом деле кажутся бессмысленными, если не видеть сути дела: «мобилизации земли». Жестокость и необузданность Грозного привела к тому, что сложная политическая проблема стала ещё сложнее от ненужных казней, пыток и грубого разврата. Результат всего этого — полный кризис: вот наследство, оставленное Грозным его наследникам.⁵¹

Позднее, в определённой политической ситуации, Платонов снова возвращается к этой теме, ставя, однако, в центр исследования уже личность царя.⁵² Историк всё время опасался идеализации царя и не забывал поэтому в ряду его качеств упомянуть и негативные. Больше того, из-за этого он подверг критике, например, Виппера.⁵³ И всё-таки приговор Платонова был благоприятен для Ивана IV, поскольку последний, казалось, двигался по пути развития, намеченному (как показали позднейшие исследования — ошибочно) историком, и таким образом деяния царя квалифицировались как неизбежные, и потому прогрессивные, даже несмотря на их негативный результат.

Работы Ключевского и Платонова явились вершинами буржуазной исторической науки. Оба историка начали с исследования русского общества XVI в., сделав в этой области ряд новых выводов. Несмотря на очень точный анализ исторической ситуации, они пришли к различным результатам, хотя как один, так и другой встроили в свои теории взгляды противоположной стороны, сделав, однако, упор на различные моменты. Платонов в связи с деятельностью Ивана IV считает необходимым подчеркнуть значение исторических закономерностей, в то время как Ключевский — роль личности в истории.

Раскрытие на конкретных исторических примерах диалектической связи между свободой и необходимостью осталось задачей марксистской исторической науки, однако последняя долго не могла дать чёткое решение проблемы. Первые попытки, однако, были многообещающими.

В работе Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли» об Иване IV подробно говорится в главе «Движение общественной мысли под влиянием борьбы царя с боярством». Выбор темы сужает возможности исследования, поскольку оно концентрируется исключительно на явлениях в области надстройки. Всё это, конечно, не затрагивает отправной точки Плеханова, ведь он объясняет особенности борьбы между боярством и царём именно тем, что хозяйственное развитие России в то время не благоприятствовало результативной борьбе бояр, и выступление последних, в соответствии с этим, носило не наступательный, а оборонительный характер.⁵⁴

Традиционно мирным отношениям между боярством и царём положило конец то, что «Московское государство всё более и более превращалось в общинную монархию восточного типа...» И причинами этого, подчёркивает Плеханов, были не отдельные личности, а экономические факторы,⁵⁵ которые, к сожалению, автором подробно не раскрыты.

Таким образом, Плеханов считал всё случившееся в правление Ивана IV, в том числе и опричнину, закономерным. Опричнина, по его

мнению, была осуществлением идеи Пересветова, хотя царь провёл её «с такой безудержной жестокостью, с таким диким самодурством...», которые Пересветову даже и не снились.⁵⁶ Этот царь, по мнению Плеханова, был «...разнузданный 'зверь-человек', с наслаждением купавшийся в крови своих подданных», и между тем проливавший «крокодиловы слёзы».⁵⁷

«Историческое значение Грозного в том и заключается, что он с помощью своей опричнины завершил превращение Московского государства... в монархию восточного типа... Введённая им новизна означала полное уничтожение всего того, что так или иначе задерживало превращение жителей Московского государства в рабов перед лицом государя.» Поэтому консерватизм Курбского «много симпатичнее, нежели новшества Ивана IV».⁵⁸

Делая упор на историческую необходимость, Плеханов приходит к выводам, во многом схожим с выводами «государственной» школы. Самого царя Плеханов оценивает отрицательно, но не придаёт особого значения его личности, что, в свою очередь, решающим образом отличает его взгляды от предыдущего направления. Самое же важное отличие состоит в том, что Плеханов, следуя традициям русской прогрессивной мысли, ставит под вопрос историческую прогрессивность царской власти, и проводит в своей оценке классовую точку зрения. Царь, делающий своих подданных рабами, мог быть для него только негативной фигурой. В плехановской работе содержится не одна интересная мысль о развитии России, об отношениях между боярством и царской властью, однако, в конце концов, введя понятие восточного деспотизма, автор, по нашему мнению, приходит к спорному выводу. Кроме этого, что, возможно, более существенно с точки зрения рассматриваемой нами темы, у Плеханова наблюдается некоторая вульгаризация, проявляющаяся в недооценке роли личности.

Практически одновременно с работой Плеханова появилась «История русского государства...», принадлежавшая перу одного из основателей русской марксистской исторической науки, М. Н. Покровского. По мнению Покровского, опричнина была кульминационной точкой длительного общественно-исторического процесса. «Государственный переворот, диктовавшийся объективными экономическими условиями, нашёл сам себе форму: царь должен был стать актом династийной и личной самообороны...» Поэтому «нет ничего несправедливее, как отрицать принципиальность Грозного в его борьбе с боярством», ведь «опричнина была попыткой за полтора столетия до Петра основать личное самодержавие петровской монархии». И, хотя попытка была слишком преждевременной, тот, кто на неё дерзнул, «встал выше своих современников».⁵⁹

Аргументация нам знакома: это марксистская интерпретация Кавелинско-Соловьёвско-Платоновской линии. Новым является лишь более современное толкование объективных социально-экономических процессов. По мнению Покровского, хозяйственный поворот, проявившийся в падении вотчинной системы, повлёк за собой политические из-

менения: боярство уступило власть дворянству. А личная власть царя была лишь орудием власти нового класса.⁶⁰

В этом подходе нетрудно заметить вульгаризацию, неправильное употребление понятия «класс». Личность царя имеет для Покровского очень небольшое значение. И сама эта характеристика не свободна от противоречий. Выше мы цитировали, что, по мнению Покровского, Иван IV стоит выше своих современников. А в другом месте автор представляет нам его как «истеричного самодура, помышляющего только о своём «я» и не желающего знать ничего помимо этого драгоценного «я», никаких политических принципов и никаких общественных обязанностей...»⁶¹

Из этих коротких отрывков становится ясно, что зарождавшаяся марксистская наука делала тогда только первые шаги. Большую часть энергии она обращала на доказательство того, что в обществе (и, таким образом, в истории общества) действуют те же закономерности, что и в природе. Главной задачей того времени было применение основополагающих законов исторического материализма к конкретному историческому материалу. Поэтому понятно, что события правления Ивана IV также необходимо было связать исключаящей всякие случайности, логической причинно-следственной цепочкой (между прочим, неправильно истолкованной) событий имеющей экономическую основу классовой борьбы. Многостороннее изображение роли исторической личности пока заставляло себя ждать. В области интуитивного понимания диалектической связи свободы и необходимости ни Плеханов, ни Покровский не смогли превзойти Ключевского.

Таким образом, к середине 1910-х гг. сложилось несколько подходов к проблеме Ивана IV, каждый из которых представлял собой подкреплённый серьёзным научным аппаратом, открывающий значительные перспективы опыт решения этой проблемы. Результаты новых исследований, к сожалению, не стали достоянием общественности, в кругу которой по-прежнему сохранялась по существу гегемония концепции Карамзина.⁶² Гарантацией дальнейшего развития мог бы стать синтез ценных элементов различных взглядов в сочетании с исследованиями, нацеленными на раскрытие оставшихся ещё в тени проблем русской жизни XVI в. Кроме поиска недостающих фактов, своей очереди ждала разработка марксистских оценочных критериев исторических событий, в первую очередь необходимо было выяснить теоретические основы понимания роли личности в истории. Далее: когда можно считать позитивным деятельность того или иного государя? Если он расширяет (присоединением, завоеванием) территорию государства? Если укрепляет (хотя бы и огнём и железом) внутренний порядок? А может, если ему, правда, не удалось достигнуть вышеупомянутых целей, зато он стремился к ним? А как мы должны оценить его, если предположительно позитивные цели обращаются в свою противоположность, и результатом становятся территориальные потери вместо приобретений и внутренняя анархия вместо внутреннего порядка? Кроме того: может ли быть прогрессивным деспотизм? В каком отношении друг к другу

стоят прогресс и закономерность? Закономерным ли было постоянное укрепление в России царского самодержавия, склоняющегося к деспотизму? Если да, то обязательно в форме, созданной Иваном IV? Каково было направление прогресса в тогдашней России, и как относилось к нему правление Грозного? В какой мере должны мы учитывать в наших ретроспективных суждениях интересы угнетённого народа? Намерения или поступки характеризуют дествующую личность?

Число вопросов можно было бы увеличить. Ответить на них — стало задачей советской исторической науки после 1917 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см. А. Н. Цамутали: Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века, Л., 1977, стр. 116—117.
- ² Н. Михайловский: Полное собрание сочинений. Изд. 2., т. 6, Спб., 1909, стр. 158.
- ³ С. Ф. Платонов: Иван Грозный, Пб., 1923, стр. 18.
- ⁴ В. Илерицкий: Революционная историческая мысль в России (Домарксистский период), М., 1974, стр. 270.
- ⁵ Подробнее см. Цамутали. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70 годов XIX века, Л., 1971, 54—55.
- ⁶ Цит. по Цамутали. Указ. соч., стр. 52.
- ⁷ Там же, стр. 51, 52.
- ⁸ Там же, стр. 81.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Краткая история России. Спб., 1866, 20—24.
- ¹² Н. Хлебников: О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. Спб. 1869, стр. 184.
- ¹³ Н. Бестужев-Рюмин: Несколько слов по поводу поэтических воспроизведений характера Иоанна Грозного. Заря. 1871/3, стр. 83, 84.
- ¹⁴ Н. Бестужев-Рюмин: Несколько слов... стр. 85.
- ¹⁵ Там же, стр. 88—90.
- ¹⁶ Н. Михайловский: Указ. соч., стр. 134—135.
- ¹⁷ Н. Костомаров: Личность царя Ивана Васильевича Грозного. Вестник Европы т. V, 1871/окт., стр. 525.
- ¹⁸ Там же, стр. 501.
- ¹⁹ Указ. соч., стр. 549, 568—569, 571.
- ²⁰ Указ. соч., стр. 503, 549.
- ²¹ Указ. соч., стр. 571.
- ²² П. Л. Лавров: Избранные сочинения, т. IV, стр. 176.
- ²³ Указ. соч., т. III, стр. 160.
- ²⁴ Н. Михайловский: Указ. соч., стр. 175—180.
- ²⁵ Письма Победоносцева к Александру III, т. II, М., 1926, стр. 212.
- ²⁶ Указ. соч., стр. 212—214.
- ²⁷ Д. И. Иловайский: История России, т. III, М., 1890, стр. 330—331.
- ²⁸ Указ. соч., стр. 331.
- ²⁹ Н. Бестужев-Рюмин: Русская история, т. II, Спб., 1885, стр. 318, 316.
- ³⁰ См. Н. Белов: Об историческом значении русского боярства до конца XVII в., Спб., 1886.
- ³¹ К. Кавелин: Сочинения, т. I., Спб., 1897, стр. 647.
- ³² Е. Белов: Предварительные замечания к истории царя Иоанна Васильевича Грозного. Журнал Министерства народного просвещения, 1891/2, стр. 377.
- ³³ Н. Михайловский: Указ. соч. стр. 163.
- ³⁴ Там же, стр. 186—187.

- ³⁵ См. Я. Чистович: История первых медицинских школ в России. Спб., 1883, LX, П. И. Ковалевский. Иоанн Грозный и его душевное состояние, Спб., 1893, стр. 59–60, 79, 189–190, 200, 201, 205; М. Глаголев: Душевная болезнь Иоанна Грозного. 500–515.
- ³⁶ Очерки истории исторической науки..., т. II, М., 1960, 161.
- ³⁷ В. О. Ключевский: Сочинения, т. II, ч. 2., М., 1957, стр. 177–180.
- ³⁸ Там же, стр. 180, 181.
- ³⁹ Там же, стр. 183.
- ⁴⁰ Там же, стр. 183, 184.
- ⁴¹ Там же, стр. 186.
- ⁴² Там же, стр. 187–192.
- ⁴³ Там же, стр. 198–199.
- ⁴⁴ Обратим внимание лишь на некоторые основные работы: Н. П. Лихачёв: Разрядные дьяки XVI в., Спб., 1888; Н. Д. Чечулин: Города Московского государства в XVI веке, Спб., 1889; С. В. Рождественский: Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., Спб., 1897; М. Д. Дьяконов: Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.), Спб., 1898; Н. А. Рожков: Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М., 1899; В. Сергеевич: Древности русского права, т. I–III; С. В. Веселовский: Сошное письмо, т. I–II, М., 1915–1916.
- ⁴⁵ С. Ф. Платонов: Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII в., Изд. 3-е, Спб., 1910., стр. 129–130.
- ⁴⁶ Там же, стр. 136–138.
- ⁴⁷ Там же, стр. 139–142.
- ⁴⁸ Там же, стр. 143.
- ⁴⁹ Там же, стр. 147.
- ⁵⁰ Там же, стр. 150–169, 169–175.
- ⁵¹ Там же, стр. 172, 179.
- ⁵² См. С. Платонов: Иван Грозный, Пб., 1928; он же: Иван Грозный в русской историографии. Русское прошлое, 1923/1.
- ⁵³ Вышеперечисленные работы, стр. 19 и 12.
- ⁵⁴ Г. В. Плеханов: Сочинения, т. XX., М.-Л., 1925, стр. 182.
- ⁵⁵ Там же, стр. 184–185.
- ⁵⁶ Там же, 185.
- ⁵⁷ Там же, стр. 191, 192.
- ⁵⁸ Там же, стр. 193, 194.
- ⁵⁹ М. Н. Покровский: Избранные произведения, т. II., М., 1946, стр. 256, 303, 304.
- ⁶⁰ Там же, 315, 313.
- ⁶¹ Там же, стр. 256.
- ⁶² См. Н. Тулупов–П. Шестаков: Иван Грозный и его время. Библиотека новой школы («Для старших»), Изд. 2-е, М., 1914.